

БОЛЬШИЕ, глубокие и очень внимательные глаза, худая, высокая фигура; выразительная пластика, четкая, быстрая речь — благодатные данные для исполнителя характерных ролей. Есть в его облике что-то мальчишеское, угловатое, колючее и вместе с тем по-взрослому умное и ироничное. Это артист Свердловского драматического театра Юрий Мельницкий.

Критика пока не баловала актера: одна-две строчки в рецензии, реже абзац — вот и все. Однако и при этом обязательно упоминались музыкальность и пластичность его героев — слуги Эрнандо из спектакля «Дама сердца прежде всего», дьявола Вельдеула из сказки «Захудалое королевство», доброго волшебника Дореми из «Короля Фауфараона»...

При всей верности этих отзывов в традиционной краткости их есть, нам кажется,

Сотканный из отрицательных «нитей», доходящий порой до откровенного кривлянья, Игорь в исполнении Мельницкого как будто ставит вопрос: почему я такой? Кто виноват в этом? А виноваты взрослые, те, кто обидел когда-то парня, кто пожалел для него в свое время душевной теплоты. Актер не дает нам таких прямых и точных вопросов и ответов. Они возникают и проявляются в процессе его игры, в процессе сценической жизни Игоря.

Роль Карла VII из спектакля по пьесе Б. Шоу «Святая Иоанна» — во многом сложнее: во-первых, это исторический, реальный персонаж, во-вторых, драматургия Бернарда Шоу требует большого мастерства исполнителя, умения проникнуть в ее стилистику, философскую глубину. Размышляя над развитием этого образа, Мельницкий показывает нам двуличного человека.

История и современники дали французскому королю Карлу VII отнюдь не лестную характеристику: хитренький уродец и трус. Поэтому роль коронованного Жанной ничтожного человечка, вероятно, можно играть в манере открытого, злого шаржа. Но Мельницкий не столь прямолинеен в изображении этого характера. Прежде всего он увидел в Карле человека, пусть не по-королевски мягкого, трусливого, бездежного, но по-своему умного, ироничного. Именно таков его Карл в первом действии.

● СМОТР ТЕАТРАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Жанна просит его подойти к трону, сесть. Она хочет увидеть его так, как представляет своего короля. Медленно, нехотя, идет он к трону, к этому символу могущества. Сел на краешек, худой, бледный, некрасивый. Жезл — еще один символ власти — держит как ненужную, надревшую игрушку. Король, похожий на шута, полное олицетворение упадка монархии. Он жалок и в то же время есть в нем что-то человеческое, незащищенное, слабость какая-то, ранимость.

Во втором действии рисунок роли приобретает жесткость и резкость, четкость и беспощадность злого шаржа. Уже, коронованный, герой ходит теперь уверенно, жезл держит гордо, говорит зло, заносчиво, обвиняет Жанну, равнодушно отказывается помочь ей в беде — первым ставит подпись под смертным приговором. Злость, страсть к деньгам, болезненное самолюбие — вот настоящее лицо Карла.

И в этой роли Мельницкий старается как бы замедлить узнавание подлинной сути героя, дает образ в динамике, размышляя, рассматривает грани этого образа и, наконец, приходит к точной и полной логической оценке.

Сейчас Юрий репетирует главную роль в трагикомедии Андрея Макаенка «Затюканный апостол» — роль Сына. Вот как драматург характеризует своего героя: «Не дитя, а комок нервов. Горяч. Колюч. Башковит». Судя по ремарке, этот образ очень созвучен исполнительским данным Мельницкого.

Когда думаешь о новых премьерях Юрия Мельницкого, о его актерских возможностях и перспективе, обращаешься к образу Сирано де Бержерака. У Мельницкого, нам кажется, есть данные для воплощения этого образа, потому что в этом актере почти парадоксально сочетаются острый характерный темперамент с лиризмом, владение гротесковыми красками с мягкостью, рельефностью, а если нужно — и жесткая вычерченность рисунка с чистой сердечной горячностью, искренностью.

Конечно, образ Сирано — высокая ступень драматического искусства. Но какой художник не мечтает о большой роли, позволяющей говорить о смысле жизни, о духовных ценностях, накопленных человечеством, о самом главном, что сближает людей, переживает века, что делает и классику — современной!

Т. МАЩЕНКО.

КРАСКИ АКТЕРСКОЙ ПАЛИТРЫ

ся, какая-то недооценка своеобразного дарования артиста. Мельницкий — актер драмы, который использует свою врожденную пластичность и музыкальность для создания образа, выражения мыслей, словом, для того, чтобы на сцене в полном смысле слова жил человек, его герой. У Мельницкого внешний рисунок роли психологичен и всегда не однозначен, динамичен: жалкий король Карл из «Святой Иоанны» напоминает шута, слуга Эрнандо рассуждает с достоинством вельможи, а самоуверенный парень Игорь в «Традиционном сборе» плачет от собственного прагматизма.

Артист лепит их жестко, сгущая слаботи, резко выделяя смешное, подчеркивая уродливое. Он не боится заостренности, потому что находит для нее основание «внутри» характера. Его не страшит гиперболическое преувеличение, так как за этим всегда лежит реальность человеческой природы.

Для доказательства сказанного, пожалуй, нет нужды останавливаться на каждой его роли. К стати, их и не так уж много. Возможно, другой артист сыграл бы и больше за четыре года. Своеобразные же данные Юрия Мельницкого таят еще не использованные возможности. Из нынешнего своего репертуара сам актер выделяет две роли — Игоря и Карла.

...На традиционный сбор в школу пришли люди двух поколений: выпускники 41-го года, пережившие войну, уже определившиеся в этой жизни, и те, кому нет еще двадцати, кто только нащупывает свою дорогу. И каждый, независимо от возраста, решает на этом традиционном сборе важный для себя вопрос: состоялся ли я как личность? Кто я?

Задумались и молодые: противоречивая Инна, добрый и честный Тимофей, практичный до циничности Игорь. Последний рассуждает совсем по-взрослому, всему знает цену, но ничего не ценит. Даже любовь для него совсем не то святое чувство, которое так бережет Тимофей. Игорь неглупый парень, но ум его насмешливый, злой, он охотнее подмечает в людях недостатки, слабости и пробует уже спекулировать на них.

Мельницкий играет Игоря нервным, замкнутым, сжатым, как пружина, — с ощущаемой угрозой вот-вот сорваться...

В конце концов Игорь сознается Тимофею, что тоже любит Инну, и цинично заявляет о своей близости с ней. Не в силах понять чувство друга, не очень-то разбираясь в собственном, этот эгоист просто хочет, чтобы ему не мешали. И плачет он не оттого что понял свою ошибку, а скорее с досады, от обиды.

НА СМЕНУ*
Г. Свердловск
4 АПР 1972